

№ 1

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 1 Января 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ пересл. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку нонпарейль (въ ширину страницы).

КОНТОРА

журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . . . 4 р.

Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . . . 6 „

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 руб. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 руб., съ доставкою 1 руб. 25 коп., съ пересылкою иногороднымъ 1 руб. 50 коп.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской въ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.

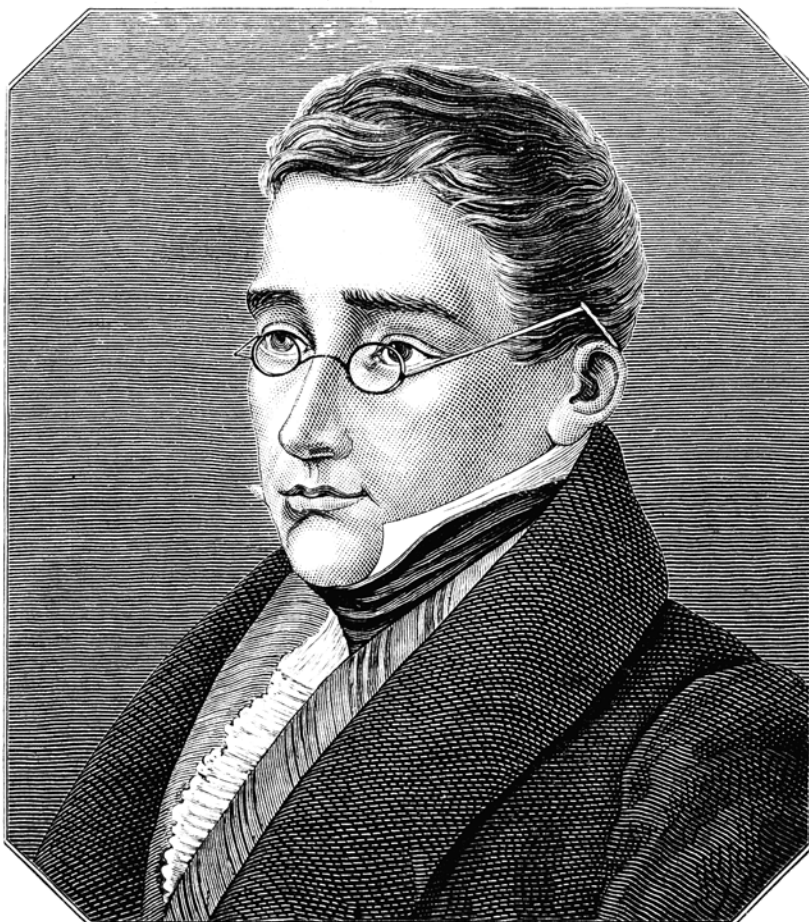
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ съ 22 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 черт. выкроекъ въ натуральную величину, съ 32 рис. рукодѣльных работъ и разнообразныхъ инициальныхъ буквъ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ

Въ скоромъ времени исполнится пятидесятилѣтіе со дня смерти нашего знаменитаго писателя А. С. Грибоѣдова. Желая, по возможности раньше сообщить объ немъ свѣдѣнія нашимъ читателямъ на случай чествованія дня этого юбилея, мы помѣщаемъ теперь же его портретъ и биографическій очеркъ. Уже появились многія предположенія, какъ ознаменовать этотъ день, (30-го Января наступающаго 1879 года) напр. повсемѣстной постановкой на сцену его безсмертнаго произведенія и т. п.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го января 1793 года; онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду и выросъ въ обстановкѣ богатаго помѣщичьяго быта. Отецъ Грибоѣдова, секундъ-майоръ, Сергѣй Ивановичъ, по видимому, не отличался твердымъ характеромъ, не игралъ въ семействѣ главной роли, предоставивъ ее женѣ своей. Настасья Федоровна, урожденной тоже Грибоѣдовой. Она очень гордилась своей генеалогіей,

А. С. Грибоѣдовъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

связями съ многими знатыми семьями. Естественно, что она старалась дѣтямъ своимъ, то есть Александру Сергѣевичу и старшей сестрѣ его, Маріѣ Сергѣевнѣ, въ послѣдствіи г-жѣ Дурново, дать самое блестящее свѣтское воспитаніе. Она рано замѣтила необыкновенныя способности своего сына и мечтала объ его карьерѣ. Впрочемъ, г-жа Грибоѣдова не ограничилась только свѣтской дрессировкой своего сына; она позаботилась и о серьезномъ его образованіи. Первый изъ его воспитателей былъ иностранецъ, Петрозиліусъ — человекъ ученый и добросовѣстный, хотя и педантичный. Вслѣдъ за Петрозиліусомъ воспитаніемъ Александра Сергѣевича занялся г. Гонъ, долго имѣвшій сильное и благотворное влияние на своего воспитанника. Занятія Грибоѣдова шли очень успѣшно. Онъ зналъ основательно нѣсколько иностранныхъ языковъ, а также и языкъ латинскій. Кроме научныхъ занятій, Грибоѣдовъ рано принялся за изученіе музы-

ки и сдѣлался прекраснымъ пианистомъ. Этому много способствовало и то, что въ домѣ Грибоѣдова вообще любили музыку, часто по вечерамъ у нихъ бывали музыкальныя собранія. Въ послѣдствіи же Александръ Сергѣевичъ вошелъ въ кружокъ русскихъ музыкантовъ, Алябьева, Верстовскаго и др. и закончилъ свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ извѣстнаго петербургскаго профессора гармоніи, Іоганна Миллера.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ, которые состояли изъ старыхъ европейскихъ знаменитостей, переселившихся на склонѣ дѣтъ въ Россію, и нѣсколькихъ молодыхъ и даровитыхъ русскихъ ученыхъ. Сближеніе съ профессорами, а въ особенности съ извѣстнымъ профессоромъ исторіи и эстетики, Буле, и весь складъ тогдашней студенческой жизни благотворно вліяли на Грибоѣдова. Кругъ его познаній расширился, всѣмъ его природнымъ дарованіямъ дана была возможность развиваться. Къ этому времени относятся и первыя литературныя попытки Александра Сергѣевича, встрѣченныя съ презрѣніемъ его матерью. Вообще она была недовольна сыномъ: онъ далеко не подходилъ подъ тотъ идеалъ изящнаго свѣтскаго молодаго человѣка, какимъ она желала его видѣть. Игривый, нѣсколько саркастическій умъ, порывистый и страстный характеръ, кипучія молодыя силы—все это заставляло его выходить изъ тѣсныхъ рамокъ, отзмѣренныхъ ему матерью. Дома онъ долженъ былъ постоянно стѣсняться, носить маску, казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ очень страдалъ отъ такого положенія и въ письмахъ къ своимъ друзьямъ горько жаловался, писалъ что „завидуетъ тому, у кого нѣтъ матери, предъ которой нужно казаться *основательнымъ*“, „приходить къ печальному убѣжденію, что истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный“. Вообще, отрываясь отъ своей умственной дѣятельности и сношеній съ людьми науки и невольно соприкасаясь съ жизнью того общества, которое окружало его съ дѣтства, Грибоѣдовъ рано сталъ замѣчать всѣ пороки, всѣ печальныя и комичныя стороны этого общества, и рано въ немъ стала созрѣвать мысль разоблачить закулисную сторону этой изящной жизни. Уже первыя его литературныя опыты носятъ на себѣ сатирическій отпечатокъ. Но эти опыты еще не представляютъ никакихъ художественныхъ достоинствъ, за исключеніемъ отчасти комедіи „Студентъ“, въ которой видна уже попытка серьезнаго сатирическаго взгляда на общество. Къ сожалѣнію эта комедія утрачена и осталось извѣстнымъ только ея содержаніе.

Въ 1812 году, выйдя изъ университета, Грибоѣдовъ не могъ конечно оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ великихъ наступившихъ событій. Онъ поступилъ сначала въ сформированный графомъ Салтыковымъ гусарскій полкъ, а затѣмъ въ Иркутскій гусарскій, стоявшій тогда въ Литвѣ. Пребываніе Грибоѣдова въ этомъ полку было плохимъ временемъ его жизни. Слишкомъ юный для того, чтобы умѣть управлять собою (искусство, котораго въ послѣдствіи онъ достигъ въ совершенствѣ), почувствовавшій себя въ первый разъ на свободѣ, внѣ домашней опеки, онъ чуть было не превратился въ головорѣза и кутяну. Онъ позволялъ себѣ самыя странныя проделки: вѣзжалъ верхомъ на лошади на балъ; въ католическомъ монастырѣ, во время литургіи, прогнавъ органиста, игралъ *Камаринскую* и т. д. Впрочемъ такая безумная жизнь скоро кончилась. Грибоѣдовъ сблизился съ княземъ Шаховскимъ, поддержавшимъ въ немъ стремленіе къ литературѣ, и Бѣгичевымъ, нравственные достоинства котораго много способствовали его перерожденію. Около этого времени Грибоѣдовъ перевелъ французскую пьесу „Le secret du ménage“.

Въ 1815 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь писалъ для театра въ сотрудничествѣ съ Шаховскимъ, Хмѣльницкимъ и Жандромъ. Такимъ образомъ были составлены пьесы: „Своя семья“ и „Притворная невѣрность“, переведенная съ французскаго; но въ этихъ пьесахъ еще трудно предвидѣть творца „Горе отъ ума“. Въ 1816 году Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, а въ 1817 поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ опредѣленъ секретаремъ персидской миссіи. По пріѣздѣ въ Персію онъ занялся изученіемъ персидскаго языка и въ скоромъ времени совершенно съ нимъ ознакомился. Новая жизнь, новыя сношенія съ людьми, новыя занятія не отдаляли однако Грибоѣдова отъ литературы; напротивъ—мысль о большой серьезной комедіи не оставила его и крѣпла. Онъ уже дѣлалъ первые наброски „Горя отъ ума“. Но много работать надъ комедіей было некогда. Вступивъ въ дипломатическое поприще по сложившимся обстоятельствамъ и по усиленнымъ настояніямъ родныхъ, Грибоѣдовъ скоро всей душой отдался своему новому дѣлу. Онъ выказалъ себя и блестящимъ дипломатомъ, и горячимъ патриотомъ; гдѣ только возможно, онъ охранялъ интересы Россіи, охранялъ русскихъ подданныхъ, боролся съ персидскими властями и добивался возврата въ Россію плѣнныхъ жителей Кавказа, бѣжавшихъ въ Персію во время войны. Онъ долженъ былъ увертываться отъ интригъ другихъ дипломатовъ, а преимущественно англійскихъ, которая всѣми силами старалась мѣшать дружескимъ сношеніямъ между Россіей и Персіей.

Для выясненія нравственнаго облика Грибоѣдова, который

уже сложился въ это время, мы приведемъ отзывъ о немъ Пушкина, умѣвшаго хорошо понимать людей и безпристрастнаго въ своихъ сужденіяхъ: „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжныя спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ непризнанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась въ некоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.“

Другой изъ пріятелей Грибоѣдова, Бестужевъ (Марлинскій), говоритъ о немъ: „никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, несмотря на знатность особы, оказалась бы инымъ Катановской суровостью, даже дерзостью“. Вместе съ всѣмъ этимъ Грибоѣдовъ отличался еще однимъ качествомъ: онъ неутомимо работалъ надъ самимъ собою, надъ самоусовершенствованіемъ. „Власть человѣка надъ самимъ собою, говорилъ онъ, ограничена только физическою невозможностью, а во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно и даже сдѣлать изъ себя все—говорю это по опыту.“ И дѣйствительно всѣ, знавшие Александра Сергѣевича, подтверждаютъ, что слова эти не были пустою похвалюбою.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ Персіи, Грибоѣдовъ наконецъ въ 1822 году переселился въ Тифлисъ и былъ назначенъ секретаремъ по иностранной части при Ермоловѣ какъ главнокомандующемъ въ Грузіи и на Кавказѣ. Здѣсь онъ отдохнулъ отъ тревожной и въ то же время чрезвычайно скучной и тоскливой для него жизни. Въ Тифлисѣ были окончены первыя 2 дѣйствія „Горя отъ ума“; но Грибоѣдовъ сознавалъ, что для окончанія своего произведенія онъ долженъ снова соприкоснуться съ вывѣдимою имъ на сцену жизнью—долженъ вернуться на сѣверъ.

Въ 1823 году ему наконецъ удалось исполнить это желаніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія съ родины, проживъ въ совершенно иномъ обществѣ, онъ не могъ не поразиться тѣмъ, что его встрѣтило. Онъ глубоко скорбѣлъ душою, возмущался многимъ. Однимъ словомъ полный матеріалъ для сатирической комедіи былъ готовъ; время приспѣло осуществитъ давнишнюю идею. Грибоѣдовъ удалился въ тульскую деревню своего пріятеля, Бѣгичева, и тамъ, въ бесѣдкѣ, въ саду, докончилъ „Горе отъ ума“. Сначала онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ произведеніемъ, не предназначалъ его для сцены; но молва о „Горѣ отъ ума“ быстро разнеслась. Переписанная въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, комедія стала быстро распространяться по всей Россіи. Въ Петербургѣ она возбудила всеобщій восторгъ, въ Москвѣ ее немилосердно бранили, находя въ ней прямой пасквиль. Враги Грибоѣдова множились. О постановкѣ комедіи на сцену нечего было и думать. Возобновивъ сношенія съ старыми друзьями, блстая какъ въ интеллигентномъ, такъ и въ чисто свѣтскомъ обществѣ, Грибоѣдовъ не могъ безъ ужаса подумать о возвращеніи на востокъ. Онъ не воспользовался даннымъ ему отпускомъ за границу и продолжалъ жить въ Петербургѣ. Но вотъ срокъ отпуска истекъ; необходимо ѣхать въ Грузію. Скрѣпя сердце, въ іюнѣ 1825 года, покинулъ Александръ Сергѣевичъ своихъ друзей. Отправился сначала въ Кіевъ, потомъ все лѣто странствовалъ въ Крымъ, гдѣ съ большимъ интересомъ занялся исторіей и археологіей Таврическаго полуострова. Наконецъ пришлось оставить Крымъ и спѣшить въ главную квартиру Кавказскаго корпуса. Здѣсь въ скоромъ времени его ожидалъ арестъ и высылка обратно въ Петербургъ, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми декабристами. Онъ не боялся ничего, не зная за собою никакой вины; но во всякомъ случаѣ ему пришлось довольно долго просидѣть въ особомъ помѣщеніи при главномъ штабѣ. Въ іюнѣ 1826 года Грибоѣдова не только освободили, но даже дали ему слѣдующій чинъ, а черезъ нѣсколько времени онъ былъ опредѣленъ на службу къ Паскевичу. Это опредѣленіе устроила его мать вопреки его желанію и только все уже устроивши, вымолила согласіе сына. Во время персидской войны Грибоѣдовъ находился безотлучно при Паскевичѣ во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ и поражалъ своей неустранимостью. Зная хорошо Персію, онъ былъ чрезвычайно полезенъ Паскевичу и даже явился главнымъ дѣятелемъ при заключеніи Туркманчайскаго договора, по которому присоединена къ Россіи Эриванская область и Персія обязана выплатить большую контрибуцію. Затѣмъ Грибоѣдовъ былъ посланъ въ Петербургъ съ официальнымъ донесеніемъ о заключеніи договора. Это было въ

1828 году. Императоръ Николай Павловичъ милостиво принялъ посланца и щедро награди́лъ его. Ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны второй степени съ алмазами и 4 тысячи червонцевъ.

Въ апрѣлѣ того же 1828 года онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ Персидскомъ. Отказываться отъ такого назначенія было невозможно и Грибоѣдову пришлось еще разъ отправиться въ Персію. Съ тяжелымъ сердцемъ уѣзжалъ онъ изъ Петербурга, его преслѣдовало мрачное предчувствіе. Онъ хорошо зналъ, что ѣдетъ къ врагамъ, которые не простятъ ему участія въ унижительномъ для Персіи договорѣ, которые мстительны и не пощадятъ его. Единственное, что спасало Грибоѣдова отъ тоски и мрачныхъ предчувствій, что освѣщало его нерадостную жизнь—была любовь къ молоденькой княжнѣ Нинѣ Чавчавадзе, охватившая всю его душу. Княжна Нина жила въ Тифлисѣ и туда съѣхалъ Грибоѣдовъ. Свидѣсь съ любимой дѣвушкой онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Но свадьбу пришлось отложить, такъ какъ женихъ разболѣлся сильной лихорадкой, во время которой невѣста не отходила отъ его постели. Только что стало ему лучше, какъ назначена была свадьба; но и подъ вѣнцомъ онъ долженъ былъ испытать сильный лихорадочный припадокъ.

Началось счастливѣйшее время въ жизни поэта. Сопровождаемый громаднымъ караваномъ, онъ отправился въ Персію. „Бросьте вашего Трапера и Куперова Прайге, писалъ онъ друзьямъ своимъ—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ походахъ не похожъ на себя прежняго, на прошлагодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мною сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ.“

Въ Тавридѣ Грибоѣдовъ оставилъ беременную жену свою и отправился на время въ Тегеранъ, но оттуда ему уже не суждено было вернуться—30 января 1829 года онъ былъ умерщвленъ во время нападенія разъяренной персидской черни на русское посольство, и обезображенное тѣло его едва можно было розыскать между убитыми.

Проѣзжая въ послѣдній разъ черезъ Эривань, Грибоѣдовъ сказалъ молодой женѣ своей: „Не оставляй костей моихъ въ Персіи: если я умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида.“ Шестнадцатилѣтняя вдова исполнила это желаніе. Александръ Сергѣевичъ похороненъ на горѣ, у монастыря св. Давида. Съ восточной стороны монастырской церкви, подъ террасою, стоитъ красивый, бронзовый памятникъ на возвышенномъ пьедесталѣ; у подножія креста колѣнопреклоненная жена, обхватившая руками крестъ, рядомъ съ нею книга—„Горе отъ ума.“ На пьедесталѣ съ одной стороны, подъ портретомъ, надпись: „Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1793 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года января 30 дня.“ съ другой стороны: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?“

„Горе отъ ума“ было единственнымъ вполне законченнымъ произведеніемъ Грибоѣдова и оно одно дало ему громкую славу, обезсмертило его имя въ русской литературѣ. Въ первый разъ сыгранное уже послѣ смерти автора, въ 1831 году, напечатанное, да и то съ пропусками, въ 1833 году „Горе отъ ума“ разошлось по Россіи въ спискахъ, число которыхъ превышало 40 тысячъ. Комедія эта выучивалась наизусть молодымъ поколѣніемъ, чуть не каждый стихъ ея обратился въ поговорку. Такой громадный, неслыханный успѣхъ не могъ быть случайнымъ; онъ долженъ истекать изъ дѣйствительныхъ достоинствъ произведенія. „Горе отъ ума“—созданіе одного изъ оригинальнѣйшихъ поэтическихъ талантовъ Россіи; оно далеко оставило за собою комедіи Фонъ-Визина, да и послѣ его появленія, и до нашего времени, въ русской литературѣ не было подобныхъ комедій. Московское общество первой четверти текущаго столѣтія, выведенное на сцену и осмѣянное Грибоѣдовымъ, измѣнилось, но „Горе отъ ума“ еще до сихъ поръ не утратило своего значенія, стихи, которыми оно написано, до сихъ поръ представляютъ живой языкъ; лица, въ немъ выведенныя, до сихъ поръ понятны. Нашъ знаменитый и, мож-

но сказать, почти единственный художественный критикъ, Бѣлинскій, говоритъ, что „Горе отъ ума“ была первая русская комедія, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ ложныхъ мотивовъ и неестественныхъ красокъ, въ которой, и дѣль, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствіе, и языкъ—все насквозь проникнуто глубокою, истинною дѣйствительностью. Вместѣ съ „Егениемъ Онѣгиннымъ“ Пушкина „Горе отъ ума“ было первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношеніи, оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь.

Изъ нападеній на „Горе отъ ума“ самыя серьезныя сводились къ лицу главнаго героя комедіи, Чацкаго. Князь Вяземскій осуждалъ за него автора, говоря: „Чацкій похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно; но способность, съ которою онъ ex abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нѣрѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреднѣ глушцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человека, да и то бѣшенаго.“ Пушкинъ, говоря о „Горе отъ ума“, выразился: „Чацкій совсѣмъ не умный человекъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ.“

Въ этихъ замѣчаніяхъ много справедливаго; дѣйствительно, Чацкій, какъ живое лицо, не выдерживаетъ критики, но ошибка заключается въ томъ, что его нельзя судить какъ лицо живое. Онъ выражаетъ собою мысли и чувства автора, и если эти мысли и чувства, монологи и рѣчи Чацкаго, обратившись въ пословицы, поговорки, эпитафии и афоризмы, живы до сихъ поръ, не устарѣли, то уже однимъ этимъ вполне оправдывается и узаконяется существованіе Чацкаго. Остальныя же лица комедіи, за исключеніемъ развѣ не совсѣмъ удавшейся Софьи, совершенно живы; это портреты, списанные авторомъ съ природы, но въ то же время обладающіе полною дѣльностью тишью.

Считаемъ далеко не безинтереснымъ привести здѣсь нѣсколько словъ самого Грибоѣдова изъ письма его къ Катенину по поводу „Горе отъ ума.“ На обвиненіе въ томъ, что въ этой комедіи видно болѣе дарованія нежели искусства, Грибоѣдовъ замѣчаетъ, что это самая лестная похвала, какую можно сказать. „Искусство въ томъ только и состоитъ, пишетъ онъ,—чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытерпѣннаго, пріобрѣтѣннаго потѣмъ и содѣйствіемъ искусства угодить теоретикамъ, т. е. дѣлать глушцы,—въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы,—тогъ, если художникъ, развей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *Nugae difficiles!* Я какъ живу, такъ и пишу свободно.“

Безхитростное, свободное творчество—въ этомъ, дѣйствительно, заключается вся тайна гениальныхъ произведеній.

Грибоѣдовъ умеръ слишкомъ рано; обстоятельства его жизни, служебная дѣтельность, часто требовавшая всего его вниманія и всего времени, постоянно мѣшали его творчеству. Всѣ его литературныя произведенія до „Горя отъ Ума“ почти не выходили изъ уровня обыкновенной посредственности. „Горе отъ ума“ сразу сдѣлало его въ глазахъ почти всей Россіи великимъ писателемъ, отъ котораго современники ожидали въ будущемъ многихъ гениальныхъ твореній. Но еслибы Грибоѣдовъ и остался живъ, еслибы онъ прожилъ долгіе годы, то еще неизвѣстно, написалъ ли бы онъ что нибудь лучше „Горя отъ ума;“ на это даже и указываетъ то обстоятельство, что послѣднее его произведеніе, „Грузинская ночь“, судя по оставшимся отрывкамъ, не представляетъ собою ничего необыкновеннаго. Напротивъ, легко можетъ статься, что „Горемъ отъ ума“ Грибоѣдовъ сказалъ все, что дано было ему сказать. Но развѣ не достаточно и этого *одного слова*, когда оно гениально и принесло творцу своему безсмертіе?!

В. С.

Мечаянный пльнникъ.

(Разсказъ русскаго художника).

„Я ужъ очень старъ и это было много лѣтъ тому назадъ.“

Я жилъ въ Римѣ и занимался историческою живописью. Получилъ я любезное приглашеніе отъ одного нѣмецкаго принца погостить въ его виллѣ, миляхъ въ пятнадцати отъ Рима, на высотахъ древняго Тускулума, чтобы сдѣлать для его небольшой галлерей нѣскольکو кошій.

Невдалекѣ отъ виллы виднѣлись величественныя развалины загородныхъ домовъ Цицерона, Силлы, Лукулла,

Руфина, и другихъ знаменитыхъ римлянъ, которые нѣкогда удалялись отъ трудовъ и заботъ сюда для отдыха и жили здѣсь въ полномъ спокойствіи, окруженные роскошью. Изъ бесѣдокъ, освѣжаемыхъ нагорнымъ вѣтеркомъ, взоръ блуждалъ по далекимъ романтическимъ окрестностямъ и воображеніе наполнялось историческими и поэтическими воспоминаніями. Прямо—Албанскія горы, Тиволи, нѣкогда любимый пріютъ Горация и Меллената, широкая, пустынная меланхолическая Кампанья, по которой извивается Тибръ, и храмъ св. Петра, ве-